

А.А. Микуленок

ДЕНЬ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В ЛИМИТРОФНЫХ ГОСУДАРСТВАХ В 1924–1939 гг.

Рассматривается вопрос возникновения и проведения Дня русской культуры в лимитрофных государствах¹. Проводится сравнительный анализ специфики с выделением общих и особенных черт организации праздника не только в самих лимитрофных государствах, но и в европейских странах. Кроме того, показано отношение не только русскоязычного населения ко Дню Русской Культуры, но и местных правительств в лимитрофных государствах. Автор приходит к выводу, что праздник играл важную роль в жизни эмигрантов, в первую очередь, помогая бороться с прогрессирующей денационализацией, и являлся объединяющим фактором среди самой эмиграции.

Ключевые слова: День русской культуры; российская эмиграция; денационализация; беженцы; лимитрофные государства.

После распада СССР в 1991 г. на карте мира появилось 15 новых государств. Русскоязычное население, проживавшее на этих территориях, оказалось в достаточно неоднозначном положении. С одной стороны, они были полноправными гражданами, с другой – оказались в положении национальных меньшинств, проживавших в стране с чуждыми языком и культурой. В подобной ситуации оказалось и русскоязычное население после Октябрьской революции в 1917 г. Поэтому изучение истории российской эмиграции поможет увидеть с исторической ретроспективы условия, способствующие развитию денационализации и способы борьбы с ней, проанализировав которые, можно выявить наиболее эффективные методы предотвращения утраты национальных особенностей, а полученный опыт использовать в целях сохранения национальных особенностей русскоязычных детей, проживающих за границей, а также для предотвращения денационализации меньшинств, проживающих не только в России, но и во всем мире.

Отечественные исследователи не смогли пройти мимо Дня русской культуры (ДРК) [1–4], кроме того, отдельные работы были посвящены этому дню в отдельных странах [5, 6], однако комплексного исследования до сих пор проведено не было. Поэтому целью данной работы является изучение возникновения и становления ДРК в лимитрофных государствах и его значения в жизни эмигрантов.

После Гражданской войны миллионы русских людей были вынуждены покинуть Родину, они воспринимали свое пребывание за границей как временное явление и считали своим долгом сохранить русский язык и русские обычаи в условиях эмиграции. Однако в середине 1920-х гг. российская эмиграция столкнулась с такой проблемой, как массовая денационализация – уже первое поколение детей с трудом говорило на русском языке, часть из них вообще не знала родного языка и культуры [7. С. 3]. Поэтому на съезде Педагогического Бюро по делам Средней и Нижней русской школы за границей в 1923 г. был поставлен вопрос о массовой денационализации подрастающего поколения и необходимости борьбы с ней. Эмигранты считали, что

культура и язык – наиболее существенные признаки национальной идентичности и именно на этой «платформе» необходимо проводить борьбу с денационализацией. Однако найти в прошлом России праздник, который объединил бы всех русских за границей, эмигранты не смогли, поэтому таким праздником стал День русской культуры. За его основу было решено взять День русского просвещения, проведенный 31 мая 1924 г. в Печерах (Эстония) [3. С. 46] и приуроченный к 125-й годовщине со дня рождения А.С. Пушкина. Инициатором организации праздника в Эстонии выступил русский национальный секретарь А.К. Янсон [8. Л. 15, 40]. В этот день состоялись торжественное богослужение с крестным шествием, праздничное представление в театре, танцы на площади и игры для детей [4]. Само мероприятие прошло весьма успешно, поэтому в ноябре 1924 г. на съезде в Праге по проблеме денационализации представитель Педагогического бюро в Эстонии высказал предложение об организации подобного праздника в других странах.

В феврале 1925 г. был утвержден состав исполнительной комиссии по организации ДРК, в которую вошли Е.В. Спекторский, В.С. Грабовый, В.А. Лазаревский, П.Д. Долгоруков, по совместительству избранный председателем комиссии [5. С. 272–273].

Дата проведения была выбрана не случайно, по мнению организаторов, именно А.С. Пушкин оказал наибольшее влияние на развитие русского языка и культуры в целом, оставив значимый след в их развитии. Поэтому Педагогическое бюро в Праге разослало 1 000 обращений с призывом ко всем русским организовать в 1925 г. День русской культуры в разных странах. Оно также было напечатано почти во всех русскоязычных газетах. Кроме того, проводилась значительная агитационная и подготовительная работа по организации и проведению праздника, значительную роль в которой сыграли А.Л. Бем, П.Д. Долгоруков, Е.В. Спекторский, П.Б. Струве и Н.А. Цуриков [3. С. 46–47].

В 1925 г. ДРК отметили в 13 странах – Болгарии, Бельгии, Германии, Латвии, Литве, Польше, Турции, Финляндии, Франции, Чехословакии, Швейцарии, Эстонии, Югославии. Однако первоначально встречались

и случаи отказа в проведении ДРК, например так было в Великобритании и США [9. С. 12]. Однако к началу 1930-х гг. ДРК отмечался практически во всех странах проживания эмигрантов [1. С. 232; 10. Л. 192].

К этому времени уже сформировались общие и особенные черты проведения праздника, которые, как и его программа и размах, зависели только от желания и финансовых возможностей организаторов мероприятия. Обязательно в ДРК проводились коллективное богослужение о благополучии России и тарелочный, или кружечный, сбор на нужды эмигрантов. Затем следовала развлекательная программа, которую открывали национальный гимн страны-реципиента и национальный гимн Российской империи и всех эмигрантов «Коль славен наш Господь в Сионе...», вступительное слово организаторов и только после этого начинались культурно-развлекательные мероприятия. Однако, как замечали сами эмигранты, довольно часто программа праздника практически полностью дублировалась на следующий год.

Специально к этому дню выпускались различные однодневные газеты («День русского просвещения», «Русская культура», «Русский день» и др.), брошюры с программой праздника. Например, в Праге была разработана подробная программа праздника с декламацией стихов, пением романсов и танцами, завершался день благотворительными лотереями. Вход на мероприятие, как правило, был бесплатный, но каждый мог внести пожертвование, за которое получал значок. Однако в Польше стоимость входного билета варьировалась от 50 грошей до 4 злотых [11. С. 1].

Несмотря на то что День русской культуры, как правило, отмечался в день рождения А.С. Пушкина [12. Л. 40], он всегда был приурочен к какому-либо событию: памятной дате (годовщине смерти или дню рождения писателя – А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева, Н.А. Некрасова) или посвящен старинному русскому городу (Москве, Новгороду или Пскову). Например, доклад о Москве был настолько популярен, что был прочитан около 20 раз в разных европейских государствах [5. С. 276; 13. Л. 4]. По словам М. Раева, «в русском зарубежье развился настоящий культ Пушкина» [14].

Практически сразу, а именно с 1926 г., стала наблюдаться тенденция к «растягиванию» праздника. Выразилась она в том, что даты проведения варьировались от 16 мая до 24 июня и зависели, как правило, только от организаторов. Неоднократно отмечалась необходимость празднования ДРК одновременно во всех странах проживания эмигрантов. Причины заключались в том, что, по мнению Комитета по организации ДРК, это оказывало бы дополнительное положительное влияние на эмигрантов и способствовало их большему сплочению. Поэтому вопрос о дате проведения ДРК был включен в программу Съезда Педагогического бюро 1–3 июля 1928 г. [15. Л. 77]. Однако, несмотря на все прилагаемые усилия, Бюро так и не удалось до-

биться единения в проведении ДРК. Например, в Германии его проводили 6 июня, в Дании – 8 июня, в Данциге – в начале июля, в Бельгии – осенью [16. Л. 10]. Кроме того, не было единства и внутри самих стран, например в Эстонии, в сельской местности, праздник проходил в первое воскресенье июня, согласно постановлению одного из делегатских съездов Союза, а в Юрьеве и Ревеле – осенью. В Польше ДРК в 1930 г. прошел в Вильно – 9 июня, во Львове – 14 июня, а в Варшаве – 15, хотя парижские газеты писали о том, что ДРК проходил единовременно. В Белграде ДРК отмечали дважды: первая дата была приурочена ко дню рождения А.С. Пушкина, а вторая – ко дню Крещения Руси. Связано это было с тем, что, по мнению некоторых эмигрантов, религиозная составляющая праздника окажет более весомый вклад в борьбе с денационализацией [17. Л. 80–95]. В Лондоне и Нью-Йорке праздник устраивался разными организациями, которые не координировали действия между собой и, следовательно, проводили мероприятия в разное время, а иногда и в разные дни [9. С. 12].

К этому дню специально выпускались открытки с изображением детей или одного из великих русских писателей, которыми было принято обмениваться между комитетами ДРК, русскими культурно-просветительскими организациями и учащимися в разных странах. Например, в 1934 г. открытки, приуроченные к ДРК, выпускали с изображением Н.В. Гоголя [13. Л. 2, 23]. А с 1927 г. по заказу Педагогического бюро выпускались специальные открытки с эмблемой воскресения России. Исполнителем всех «эмигрантских» открыток неизменно выступал И. Вилибин [18. Л. 145].

По инициативе Педагогического бюро ежегодно составлялись отчеты о проведении праздника, выпускались календари с указанием юбилейных дат для координации действий Комитетов ДРК и обмена опытом относительно его организации. Поэтому для составления максимально точных и объективных отчетов Педагогическое бюро просило высылать программы, плакаты, афиши, фотографии, однодневные газеты, приуроченные ко ДРК, газетные статьи и другие источники с упоминанием о нем. Однако нельзя с точностью утверждать, что эти отчеты пользовались большим спросом и были интересны непосредственно самим эмигрантам. Например, в Шанхае в 1928 г. никто не заинтересовался брошюрами с отчетом о празднике и не было продано ни одного экземпляра, несмотря на то что каталоги издательства были распространены по всем школам и поданы объявления в газеты [15. Л. 70].

Кроме того, сама манера проведения праздника в европейских государствах, как правило, носила строгий академический характер, в то время как в странах с коренным русскоязычным населением, в том числе и в лимитрофных государствах, праздник – более народный, был одним из самых любимых праздников и проходил с большим размахом. Несмотря на его широкое

распространение, среди русскоязычного населения в Эстонии вплоть до начала Второй мировой войны он сохранил свое первоначальное название – День русско-го просвещения [17. Л. 80].

В 1925 г. в Латвии ДРК отмечался дважды – 8 июня и 20 сентября. Связано это было с тем, что в июне только одна эмигрантская организация – Молодое эмигрантское общество – организовало праздничные мероприятия. Поэтому по инициативе секретаря комитета ДРК в Чехословакии И.Н. Заволоко было организовано второе празднование. Следует подчеркнуть, что именно в Риге происходили самые масштабные празднования ДРК. Начались празднования вечером 19 сентября с богослужения в главной эмигрантской церкви – Ивановской на Московском форштадте, однако все желающие не смогли там поместиться. После окончания богослужения у ворот кладбища раздавали листовки с программой ДРК. На следующий день празднество продолжилось с литургии на латышском языке. В час дня начиналась торжественная программа. Все билеты были распроданы за несколько дней до начала мероприятия. В это же самое время в Риге функционировали 5 разных развлекательных площадок, работавших до 8 часов вечера. В Русском Доме организовывался спектакль-концерт, который заканчивался в час ночи. Интересен тот факт, что репертуар состоял не только из произведений общепризнанных классиков, таких как А.С. Пушкин, И.А. Крылов, М.Ю. Лермонтов, но и советского писателя – М. Горького. Специально ко Дню русской культуры в Латвии выпускалась однодневная газета «Русский День» (в Эстонии – «Новь») [19. Кадр 0860; 20. Л. 56].

В 1930 г. ко ДРК в Риге была приурочена выставка картин, в которой наряду с известными русскими художниками принимали участие и молодые таланты, из которых были выбраны 53 человека для участия в экспозиции [16. Л. 87].

В Румынии (в Бухаресте) ДРК впервые прошел 21 июня 1931 г. вместо запланированного 8 июня. Организаторами выступили Комитет по устройству ДРК и Лига румынской культуры при условии, что празднование будет проходить на двух языках: русском и румынском. Однако в отличие от других стран-реципиентов праздничная программа состояла из произведений как русских, так и румынских авторов, кроме того, зал был украшен в цвета румынского и русского флагов. Мероприятие прошло в амфитеатре St. Petrusi Pavel. Стоимость входного билета варьировалась от 20 до 100 лей [21. Л. 1–3].

В Финляндии в 1925 г. праздник состоялся 7 июня, проходил только в Гельсингфорсе вплоть до начала Второй мировой войны и имел большой успех среди русскоязычного населения. Мероприятие было рассчитано на 1 500 человек, однако гостей оказалось намного больше, так как приехали русские со всех окрестностей. Празднество открывал инициатор организации ДРК в Финляндии – А.Н. Фен (председатель особого комитета

по делам русских в Финляндии. – А.М.). Сама программа мероприятия состояла из выступления русского хора, докладов о значении русской культуры и роли А.С. Пушкина в ее развитии, декламации стихов, исполнения народной музыки и пения романсов и оперных арий. Плата за вход не взималась. Кроме того, все присутствовавшие на празднике дети получили подарки в виде коробки шоколадных конфет с изображением поэта. В фойе зала была устроена благотворительная продажа программ мероприятия и открыток с изображением А.С. Пушкина в пользу внука поэта, проживавшего в Нарве (Эстонии) и находившегося в трудном материальном положении [5. С. 278–279; 22. Л. 6].

В Польше празднование в 1925 г. проходило во многих местах. Например, в Варшаве организаторами выступили Русское благотворительное общество в Польше, Русская академическая группа и Русская гимназия в Варшаве. Празднование началось 8 июня с торжественного молебна. В Русском Доме для учащихся русских школ было организовано «Детское утро», с подарками в виде книг и сладостей. Вечером состоялся литературно-музыкальный концерт, на котором присутствовали около 1 000 человек. Среди них было много поляков. По мнению самих эмигрантов, вечер носил обособленный характер и был скучным, музыкальные номера были плохими, за исключением некоторых выступлений. Причины такого неудовлетворительного проведения ДРК в Варшаве эмигранты видели в том, что организаторами выступили польские граждане русской национальности [23. С. 3]. Однако Русское благотворительное общество было не согласно с данным мнением, аргументировав это тем, что в мае все беженские организации были проинформированы о предстоящем праздновании ДРК и необходимости его организации. Но ни одна беженская организация не проявила инициативу в этом вопросе, поэтому Русское благотворительное общество и взяло на себя эту роль. Кроме того, регулярно проводились собрания по организации праздника, однако за исключением некоторых организаций никто на них не приходил [18. Л. 3–7].

В Бресте в ДРК поставили «Горе от ума», и стоимость билета варьировалась от 50 грошей до 3 злотых, однако для детей и членов Русского благотворительного общества предусматривались скидки в размере 50%. А в 1927 г. ДРК отмечался с 8 по 13 июня и проходил под знаком русской культуры.

Во Львове праздник прошел более удачно, чем в Варшаве. Торжественная часть состояла из речи Л.Б. Мандельштама о значении ДРК и роли русской культуры в жизни России. Сама праздничная программа состояла из декламирования произведений русских писателей, исполнения музыкальных произведений. После официальной части устраивались танцы до утра.

В Остроге ситуация была несколько иной: местные власти выразили недовольство по поводу устройства праздника и за три дня до мероприятия запретили его проведение. Аргументировано это было тем, что про-

грамма торжеств не понравилась местному старосте. Первоначально планировалось провести празднества в течение двух дней – 7 и 8 июня. Соответственно в первый день должен был быть организован детский праздник с концертами, спектаклями и различными развлечениями, и 8 июня – основные мероприятия с массовыми развлечениями и минимальной платой за вход и традиционной организацией кружечного сбора и продажей однодневной газеты «Русская Культура» с перечислением всех собранных средств в пользу культурно-просветительного фонда. Точная причина запрета на проведение праздника не известна, возможно, она заключалась в личной неприязни старосты к организаторам мероприятия, его шовинистских взглядах или из-за того, что праздник планировалось провести на «восточных креслах». Русские общественные организации приняли все меры для снятия запрета: были извещены все представители русскоязычного населения Сейма и Сената, Центральная русская организация в Варшаве, сделаны соответствующие заявления в эмигрантской и польской прессе, отправлены протесты в Министерство внутренних дел. Однако, несмотря на все усилия, разрешено было провести только молебен и кружечный сбор. Поэтому детский праздник был перенесен на 14 июня, а в кинотеатре, в котором планировалось провести праздничный концерт, 7–8 июня показывали русские художественные фильмы по максимально низким ценам в знак солидарности с русскоязычным населением. Кружечный сбор проводился в течение всего дня, всем жертвовавшим деньги давали значки и розетки с национальными цветами. В час дня в Русском Доме состоялся торжественный молебен, после которого были организованы «чашки чая». Только к двум часам дня пришло распоряжение Министерства внутренних дел о разрешении проведении концерта, но без чтения доклада о единстве русской культуры [18. Л. 17–27]. Однако, несмотря на трудности при организации ДРК, праздничный зал был переполнен и не мог вместить всех желающих. Концертная программа состояла из выступления хора, симфонического оркестра, театральных постановок. Любопытен тот факт, что отказ украинской труппы А.И. Улыханова выступить на ДРК послужил поводом для ее бойкотирования со стороны русской, польской и еврейской общественности, что привело к роспуску труппы.

В 1926 г. в Польше также наблюдался повышенный интерес к ДРК, однако прецедентов с «открытым» запретом на его проведение уже не было. В Вильно была выпущена однодневная газета с критикой в адрес пра-

вославия, поэтому член польского сената В.В. Богданович выступил с ответной речью на эту статью, что вызвало огромный успех. Выступление М.П. Арцыбашева было посвящено проблеме распространения денационализации и необходимости борьбы с большевизмом.

С 1926 г. ДРК отмечали не только в городах, но и в провинции, однако в Галиции в сельской местности его проведению препятствовали украинцы и белорусы, а в 1927 г. ДРК проходил только во Львове [Там же. Л. 47–48, 127].

К 1930 г. ДРК отмечался в Печерском крае (Эстония), где празднества принимали характер общенационального и национального торжества. В Литве ДРК отмечался во многих городах, а в Финляндии празднества проходили только в Гельсингфорсе.

Однако, несмотря на то что ДРК был аполитичным праздником, он все-таки зависел от политических событий, происходивших внутри страны. Например, в Польше в 1935 г. ДРК был перенесен на конец октября в связи с трауром по скончавшемуся маршалу Ю. Пилсудскому [24. Л. 17].

Таким образом, ДРК играл важную роль в жизни эмигрантов вплоть до начала Второй мировой войны. С одной стороны, он был призван бороться с денационализацией подрастающего поколения, с другой – являлся звеном, связывающим воедино все русскоязычное население в эмиграции. И именно лимитрофные государства одни из первых откликнулись на призыв Педагогического бюро по организации ДРК. Кроме того, именно в Эстонии возникла идея проведения этого праздника, который за очень короткое время стал весьма популярным и любимым и отмечался на всех континентах расселения эмигрантов первой волны. Однако отношение местных правительств в лимитрофных государствах к ДРК было неодинаковым. Например, в Польше, особенно на «восточных креслах», местные власти были настроены негативно по отношению к нему, но после решительных действий русскоязычного населения по отстаиванию своих национальных прав им пришлось уступить. В целом уже к 1926 г. сложились общие черты проведения праздника: коллективное богослужение о благе России, праздничная программа, состоящая из танцев, развлечений и игр и сбор средств для нуждающихся эмигрантов. ДРК играл важную роль в жизни эмигрантов и был призван сплотить их воедино, однако добиться единства хотя бы в дате проведения праздника так и не смогли.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Под «лимитрофными государствами» подразумеваются страны, образовавшиеся после Октябрьской революции на окраине бывшей Российской Империи: Латвия, Литва, Эстония, Финляндия и частично Польша. Однако в данной работе автор рассматривает и День русской культуры в Румынии, хотя она и не являлась лимитрофным государством. Связано это с тем, что в состав Румынии с 1918 г. de jure входила Бессарабия, и румынское правительство с этого момента стало проводить политику, направленную на ущемление прав русскоязычного населения. Подобная политика проводилась и в Польше, и с середины 1920-х гг. в Прибалтике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волошина В.Ю. Вырванные из родной почвы: социальная адаптация российских ученых-эмигрантов в 1920–1930-е годы. М. : Форум, 2013. 437 с.
2. Бочарова З.С. Русский мир 1930-х годов: от расцвета к увяданию зарубежной России. М. : АИРО-XXI, 2014. 334 с.
3. Кузина Г.А. Значение «Дней Русской Культуры» в жизни российской эмиграции первой волны // Культура российского зарубежья. М. : Рос. ин-т культурологии, 1995. С. 46–57.
4. Кудряшова С.К., Дерюга В.Е. Национальные праздники как источник сохранения русской культуры в условиях эмиграции. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnye-prazdniki-kak-istochnik-sohraneniya-russkoy-kultury-v-usloviyah-emigratsii>, свободный (дата обращения: 03.01.2016).
5. Петрушева Л.И. А.Л. Бем и День русской культуры // А.Л. Бем и гуманитарные проекты русского зарубежья : междунар. науч. конф., 16–18 ноября 2006 г. / сост. и науч. ред. М.А. Васильева. М. : Русский путь, 2008. С. 270–281.
6. Журавлев С. О русских топонимах, Ништадтском мире, Дне русской культуры в Латвии и «сокольском духе» : сб. ст. и материалов. Рига : Улей, 2004. 33 с.
7. За Свободу! (Варшава). 1925. № 98 (11 апр.).
8. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-5850. Оп. 1. Д. 39.
9. Цуриков Н.А. День русской культуры: краткий отчет о праздновании в 1926 году. Прага : Издание Педагогического бюро, 1927. 36 с.
10. ГАРФ. Ф. Р-5850. Оп. 1. Д. 37.
11. За Свободу! (Варшава). 1925. № 147 (7 июня).
12. ГАРФ. Ф. Р-5850. Оп. 1. Д. 27.
13. ГАРФ. Ф. Р-5850. Оп. 1. Д. 40.
14. Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции, 1919–1939. М. : Прогресс-Академия, 1994. 295 с.
15. ГАРФ. Ф. Р-5785. Оп. 1. Д. 20.
16. ГАРФ. Ф. Р-5850. Оп. 1. Д. 26.
17. ГАРФ. Ф. Р-5850. Оп. 1. Д. 31.
18. ГАРФ. Ф. Р-5850. Оп. 1. Д. 30.
19. ГАРФ. Ф. Р-10243. Оп. 1. Катюшка 23.
20. ГАРФ. Ф. Р-5850. Оп. 1. Д. 4.
21. ГАРФ. Ф. Р-5850. Оп. 1. Д. 32.
22. ГАРФ. Ф. Р-5850. Оп. 1. Д. 35.
23. За Свободу! (Варшава). 1925. № 150 (10 июня).
24. ГАРФ. Ф. Р-5850. Оп. 1. Д. 60.

Mikulenok Aleksandra A. Kuban State University (Krasnodar, Russia). E-mail: klio-alex@yandex.ru

RUSSIAN CULTURE DAY IN THE LIMITROPHE STATES IN 1924–1939.

Keywords: Russian Culture Day; the Russian emigration; denationalization; refugees; the limitrophe states.

The article looks into the issue of the necessity for the emergence and the further holding of the so-called Russian Culture Day not only in the limitrophe states, but also in the European countries, which used to be one of the most beloved celebrations for the Russian migrants and was top three most important ones along with The Russian Child’s Day and Intransigence Day. The article analyses the establishment and geographical expansion of the celebration in the recipient countries, including the residences of the Russian-speaking native-born populace; points out the general and particular features of its establishment, specific not only to the limitrophe states, but also to the European countries in general. The author registers the increase in significance of the celebration in a relatively short period of time. However, she also points out the problems the facilitators faced at the stage of its planning in some country or another, be it the disagreements while fixing a date (considering the one officially fixed by the Executive Board of the Russian Culture Day) or the venues. Besides, the author looks into the attitude towards the Russian Culture Day not only of the Russian-speaking population, but also of the local governments in the limitrophe states, as well as their attitude towards the provision of assistance during the celebration events management and in the event of disagreements between the celebration facilitators and the local administration or representatives of the other nationalities. Moreover, the author analyses the festive programs commemorating the Russian Culture Day, points out the general and particular features of their facilitating. The author comes to the conclusion that the celebration played an important part in the lives of the Russian-speaking population. First of all, it helped to fight against growing denationalization of the younger generation, enculturating them. Secondly, it united the emigration. Besides, this day the most part of the proceeds was sent to the disposal of the Migrants’ Charity Organizations collected from the various charitable lotteries and sales. However, the celebration lacked unity not only among the recipient countries, but also within the states. For instance, in Poland the Russian Culture Day was celebrated on different days in various areas, and very often it had isolated nature, and the event program wasn’t coordinated with the Central organizations. The author based the present treatise on the documents of the so-called Prague City archives housed in the State Archive of the Russian Federation as well as the periodicals published by the migrants in the Inter-War period.

REFERENCES

1. Voloshina, V.Yu. (2013) *Vyrvannye iz rodnoy pochvy: sotsial'naya adaptatsiya rossiyskikh uchenykh-emigrantov v 1920–1930-e gody* [Torn from their native soil: Social adaptation of Russian scientists-emigrants in 1920–1930-ies]. Moscow: Forum.
2. Bocharova, Z.S. (2014) *Russkiy mir 1930-kh godov: ot rastsveta k uvядaniyu zarubezhnoy Rossii* [The Russian World in 1930-s: From flowering to wilting of the foreign Russia]. Moscow: АИРО-XXI.
3. Kuzina, G.A. (1995) *Znachenie “Dney Russkoy Kul'tury” v zhizni rossiyskoy emigratsii pervoy volny* [The value of the “Days of Russian Culture” in the Russian emigration of the first wave]. In: Kvakin, A.V. & Shulepova, E.A. (eds) *Kul'tura Rossiyskogo Zarubezh'ya* [Russian Culture abroad]. Moscow: Russia. Institute of Cultural Studies. pp. 46-57.
4. Kudryashova, S.K. & Deryuga, V.E. (2012) National holidays as a source of preservation of Russian culture in emigration. *Innovatsii v nauke*. 12(2). [Online] Available from: <http://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnye-prazdniki-kak-istochnik-sohraneniya-russkoy-kultury-v-usloviyah-emigratsii>. (Accessed: 3rd January 2016).
5. Petrusheva, L.I. (2008) [A.L. Boehm and the Day of Russian Culture]. *A.L. Bem i gumanitarnye proekty russkogo zarubezh'ya* [A.L. Bohm and Russian humanitarian projects abroad]. Proc. of the International Research Conference. 16–18 November, 2006. Moscow: Russkiy put'. pp. 270-281. (In Russian).

6. Zhuravlev, S. (2004) *O russkikh toponimakh, Nishtadtskom mire, Dne russkoy kul'tury v Latvii i "sokol'skom dukhe"* [On Russian toponyms, The Treaty of Nystad, the Day of Russian culture in Latvia and the "Sokol spirit"]. Riga: Uley.
7. *Za Svobodu!* (Varshava) (1925a) 11th April.
8. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund R-5850. List 1. File 39.
9. Tsurikov, N.A. (1927) *Den' russkoy kul'tury: kratkiy otchet o prazdnovanii v 1926 godu* [The Day of Russian culture: a brief report about the celebration in 1926]. Prague: Pedagogical Bureau.
10. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund R-5850. List 1. File 37.
11. *Za Svobodu!* (Varshava) (1925b) 7th June.
12. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund R-5850. List 1. File 27.
13. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund R-5850. List 1. File 40.
14. Raev, M. (1994) *Rossiia za rubezhom: Istoriya kul'tury russkoy emigratsii, 1919–1939* [Russia abroad: The history of culture of the Russian emigration in 1919–1939]. Moscow: Progress-Akademiya.
15. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund R-5785. List 1. File 20.
16. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund R-5850. List 1. File 26.
17. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund R-5850. List 1. File 31.
18. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund R-5850. List 1. File 30.
19. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund R-10243. List 1. Roll 23.
20. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund R-5850. List 1. File 4.
21. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund R-5850. List 1. File 32.
22. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund R-5850. List 1. File 35.
23. *Za Svobodu!* (Varshava) (1925c) 10th June.
24. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund R-5850. List 1. File 60.